

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.8

Мотив театрального действия в романе И. Вазова «Под иггом» и в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: сравнительный анализ

© Е. В. Леготина

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: legotina01@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу мотива театрального действия в романе И. Вазова «Под иггом» и в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. В публикации указано на предпринятое ранее исследователями сопоставление «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского с произведениями русских и зарубежных писателей (Данте, Гоголь, Некрасов, Дорошевич, Солженицын, Шаламов). Сравнительный анализ «Записок» Ф. М. Достоевского с романом И. Вазова в контексте мотива театрального действия выглядит новаторским, позволяя выявить особенности поэтики творчества обоих писателей. О сходстве мотива театрального действия в их произведениях свидетельствуют названия глав, описание подготовки к спектаклю, показ поведения зрителей – их эмоциональность, чувствительность и непосредственность, сравнение персонажей с детьми. При анализе театральных представлений подчеркивается повторяющийся смех аудитории, живо воспринимающей пьесы, отмечено внимание авторов к деталям, интерьеру (занавес, декорации), описываются игра «актеров», комические ситуации. Обращает на себя внимание неожиданный финал спектакля, заставляющий задуматься о силе духа, патриотизме и свободолюбии народа в произведении болгарского писателя, а завершение главы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского дает возможность поразмышлять о зачатках духовности, открывшихся в процессе восприятия театральной игры, что свидетельствует о близости мировоззрения писателей мирозерцанию народа. Авторы произведений сумели проследить духовные изменения в людях, произошедшие под влиянием искусства.

Ключевые слова: Достоевский, Записки из Мертвого дома, Иван Вазов, Под иггом, театральное действие, представление, народ.

Введение

Сравнительный анализ «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского с художественными произведениями мировой и отечественной литературы предпринимался в научных исследованиях. Внимание ученых было обращено на связь произведения Ф. М. Достоевского с «Божественной комедией» (на что указал А. И. Герцен, сопоставив «Записки» с «Адом» Данте). Назовем работу Е. А. Акелькиной «Данте и Достоевский (рецепция дантовского опыта организации повествования в „Божественной комедии“ при создании „Записок из Мертвого дома“), подчеркнувшей «глубинное сходство двух великих произведений». «Речь идет не просто о смежности вымысла, но о глубоком внутреннем сходстве самой творческой мысли этих писателей, проявляющемся в способе становления художественного смысла, энергии сцепления между частями, многоаккурности и разнонаправленности авторской активности, созидающей материю повествования, иначе говоря, в близости тех начал, на которых основано движение повествования в этих двух произведениях» [2]. «Как Данте, так и Достоевскому свойственно

стремление осмыслить частные и неповторимые явления, эпизоды с точки зрения целого мироздания, выявить в них всеобщее и вековечное» [2].

Аналитический обзор

К дантовским образам в «Записках из Мертвого дома» обращалась М. Г. Курган. «Если вспомнить градацию смыслов понятия „ад“, которая выстраивается в творчестве Достоевского, то становится понятно, что ад именно как нравственный топос являлся ключевым для него. То есть Ф. М. Достоевскому не обязательно было умирать, чтобы почувствовать адское горение в собственной душе и перенести это переживание на бумагу. И Достоевский избирает в „Записках из Мертвого дома“ тот же способ, что и Данте в „Божественной комедии“: через яркую телесность передается эзотерическая метафора нравственных страданий и глубоких внутренних движений души» [10].

И. С. Абрамовская и К. М. Егорова в статье «Особенности трактовки „мертвого дома“ в поэме Н. А. Некрасова и повести Ф. М. Достоевского» выявили типологию изображения ссыльно-каторжных в поэме Н. А. Некрасова «Несчастные» и повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома», исследовали сходства и концептуальные различия между двумя произведениями в контексте «каторжной» темы как личного переживания, важной для понимания концепции писателя. «Проблема диалога между писателями-современниками, о которой, собственно, идет речь в настоящей статье, весьма продуктивна. Сопоставление разных текстов на одну тему позволяет „выйти“ на уровень понимания мировоззренческих установок Некрасова и Достоевского, духовно близких друг другу, но разошедшихся из-за различия в социально-политических предпочтениях». [1]. «Оба произведения, безусловно, в некотором роде автобиографичны. Но биографический материал соотнесен с совершенно различными обстоятельствами: для Достоевского пребывание на каторге стало источником текста, а Некрасов ввел факты своей биографии, точнее, „переживание“ по поводу воспоминаний о детских и юношеских годах, проведенных с семьей, в воспоминания героя своей поэмы» [1].

А. В. Скрипник в работе «Гоголевский дискурс в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале „Записок сумасшедшего“ Гоголя и „Записок из Мертвого дома“ Достоевского)» обращает внимание на два ключевых аспекта взаимодействия Гоголя и Достоевского – «в контексте гоголевского дискурса интерес представляют не только ранние произведения Достоевского, но и его „заметки“ о каторжных впечатлениях, то есть „Записки из Мертвого дома“. В данном случае речь идет прежде всего о форме „записок“, которая часто встречается у Достоевского и которая, появившись однажды в „Записках сумасшедшего“, больше не имеет аналогов в творчестве Гоголя. В то же время эта форма делает героя „Записок сумасшедшего“ новаторским, то есть самосознающим и рефлекслирующим, „маленьким человеком“ и прототипом многих героев Достоевского. Помимо формы „записок“, значимой становится и та особая семиосфера безумия, генерированная Гоголем в „Записках сумасшедшего“ и переосмысленная, воссозданная заново Достоевским в „Записках из Мертвого дома“» [12].

Г. А. Зябрева и А. В. Блинова в публикации «Книга А. П. Чехова „Остров Сахалин“ и „Записки из Мертвого дома“ Ф. М. Достоевского: параллели и пересечения» выявили переключки писателей на разных уровнях – жанрово-стилевом, идейно-образном, концептуальном (а также расхождения между авторами). «Ф. М. Достоевский на первый план выдвигает психолого-философское исследование души каторжного и обнаруживает, что даже в этих внутренне изуверченных людях проявляются коренные свойства национального характера: его способность к великим страданиям и великому терпению, умение различать добро и зло, не уходить от

ответственности за содеянное, вера в высшую справедливость бытия и поэтому взгляд на наказание как необходимое воздаяние за свои поступки. В книге А. П. Чехова доминирует социально-психологический угол зрения: русский народ предстает здесь носителем немалых физических и нравственных сил, искаженных его поведением на воле, порочным бытом каторги и безжалостным отношением со стороны властей и отечественной интеллигенции, принимающей сложившийся порядок вещей с традиционными наказаниями себе подобных» [9].

С. Н. Гузаевская и К. А. Родин в статье «Писатель и свидетель (рецепция „Записок из Мертвого дома“ Ф. М. Достоевского в литературе о каторге и ГУЛАГе)» соотнесли героев книг В. М. Дорошевича с опытом, представленным в произведении Ф. М. Достоевского. Тема была продолжена в литературе о ГУЛАГе второй половины XX в. в контексте использования стратегии «писатель» А. И. Солженицыным и стратегии свидетеля у В. Т. Шаламова [7].

Как мы видим даже по цитируемым фрагментам исследований, сопоставления «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского с литературой как отечественной, так и зарубежной представлены достаточно.

Книга занимает особое место в творчестве Ф. М. Достоевского. «Записки из Мертвого дома» (1860–1862) связаны с четырехлетним пребыванием Достоевского в Омском остроге, вызванными в Сибири раздумьями и впечатлениями. Замысел «Записок из Мертвого дома» возник у писателя на каторге. В первом же письме к брату (от 22 февраля 1854 г.) по выходе из каторги Достоевский писал: «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще черного, горемычного быта. На целые томы достанет. Что за чудный народ» [8]. «Если я узнал не Россию, то народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его». Это знание помогло ему создать произведение, в центре которого стоит народ [8]. И писатель выявляет его высокие качества: рассказчик «Записок», повествуя о своих впечатлениях, отмечает «чувство собственного достоинства», как «высшую и самую резкую характеристическую черту нашего народа» называет «чувство справедливости и жажду ее» [8]. «Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже, утвердительно скажу, – напротив: сами они еще должны у него поучиться», «сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и тяжелой доле!» [8].

Результаты и их обсуждение

На наш взгляд, представляет интерес сравнительный анализ мотива театрального действия в произведениях И. Вазова и Ф. М. Достоевского, не предпринимавшийся ранее в достоевковедении. В примечаниях к четвертому тому полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского отмечается, что писатель был приглашен в качестве режиссера театрального представления [8]. По мнению исследователей, описание театрального представления составляет идейную и художественную вершину первой части «Записок».

Как отмечал В. П. Владимирцев, «главам «Представление» и «Каторжные животные» отведен в «Записках...» особый идейно-эстетический статус. Они живописуют быт и нравы арестантов в обстановке, приближенной к естественной, исконной, то есть неострожной народной деятельности. Очерк о «народном театре» (термин изобретен Достоевским и вошел в оборот фольклористики и театроведения), составивший сердцевину прославленной одиннадцатой главы «Записок из Мертвого дома», бесценен. Это единственное в русской литературе и этнографии столь полное («отчетно-репортерское») и компетентное описание феномена

народного театра XIX в. – незаменимый и классический источник по истории России театральной» [6].

Сравнительный анализ начнем с того, что обе главы и у Ф. М. Достоевского, и у И. Вазова называются одинаково – «Представление».

В «Записках из Мертвого дома» само представление вызывало мечты, фантазии («До губернатора дойдет, пожалуй, и – чем черт не шутит? – может, и сам захочет прийти посмотреть» [8]. В виде фантазий проявляется мотив хвастовства в поведении арестантов («Баклушин еще за неделю до представления хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую он брал на себя, будет так представлена, что и в *санкт*-петербургском театре не видывали», он «хвастался немилосердно и бесстыдно» [8], «все были очень довольны, даже хвастливо довольны» [8]. В романе И. Вазова «предстоящий спектакль уже много дней волновал бяло-черковское общество», «его ждали с нетерпением», «только и было разговоров что о спектакле», «в каждом доме с интересом говорили о том, кто какую роль получил» [4]. Болгарский писатель с мягким юмором описывает подготовку к спектаклю – играть женскую роль предложили дьякону, исходя исключительно из того, что у него были «красивые длинные волосы», отдав роль другому парню, снабдили того белой мазью, «чтобы он замазал себе усы». «Актер», двадцать раз репетировавший сцену смерти от меча, «с не меньшим усердием» разучивал роль охотничьей собаки графа, воспроизводя ее лай.

Добавим к этому непосредственность зрителей, отмеченную обоими писателями. Достоевскому это позволило неоднократно и настойчиво сравнивать заключенных с детьми: «арестанты, как дети, радовались малейшему успеху, тщеславились даже» [8]. «Такая роскошь радовала даже самых угрюмых и самых щепетильных арестантов, которые, как дошло до представления, оказались все без исключения такими же детьми, как и самые горячие из них и нетерпеливые» [8]. И вновь сравнение арестантов с детьми: «Одним словом, это были дети, вполне дети, несмотря на то что иным из этих детей было по сороку лет» [8], «что за странный отблеск детской радости, милого, чистого удовольствия сиял на этих изборожденных, клейменных лбах и щеках, в этих взглядах людей, доселе мрачных и угрюмых, в этих глазах, сверкавших иногда страшным огнем!», «милое лицо Алея сияло такою детскою, прекрасною радостью, что, признаюсь, мне ужасно весело было на него смотреть» [8], Баклушин страдал, «как ребенок» [8]. Два арестанта на одну роль, «точно маленькие дети, ужасно поссорились друг с другом за то, кому играть» [8].

О живости и непосредственности аудитории свидетельствуют следующие цитаты: «хохотали и кричали из толпы: „Лихо, Баклушин! Ай да молодец!“». Зрители были «нараспашку», «они отдавались своему удовольствию беззаветно. Крики одобрения раздавались все чаще и чаще» [8]. «Между зрителями раздается вполголоса несколько комплиментов» (по поводу игры «актера», очень милого «в костюме молодой бабенки») [8]. «Неудержимый хохот раздается между зрителями».

Аналогичной непосредственностью и простотой отличаются зрители драмы «Многострадальная Геновева» в романе И. Вазова – тетка Гинка суфлировала «графу», когда он пропускал или изменял слово, кричала: «Не так!», плач «графини вызвал в публике взрыв смеха», «графиня заревела во весь голос, и зал отозвался на это раскатистым хохотом. Громче всех смеялась тетка Гинка, крича: «Вот бы мне на сцену! Уж я бы заплакала – лучше некуда!» [4]. Цилиндр слуги Драко «возбудил всеобщий смех», Тетка Гинка крикнула: «Драко, сними Алафрангову кастрюлю! Валяй без шапки!». «Драко снял цилиндр. Новый взрыв хохота в публике...» [4].

Оба автора дали описание занавеса и декораций. Рассказчика «Записок» «поразила занавесь», воспринимавшаяся как роскошь, составленная из старого и нового холста, «из старых арестантских онучек и рубаш», а «часть ее, на которую не хватило холста, была просто из бумаги, тоже выпрошенной по листочку в разных канцеляриях и приказах» [8]. «Кроме того, она была расписана масляной краской: изображались деревья, беседки, пруды и звезды» («наши же маляры ... позаботились раскрасить и расписать ее») [8]. «Замечу, что наши декорации очень бедны», «вместо задней стены протянут какой-то ковер или попона; сбоку какие-то дрянные ширмы», с левой стороны «видны нары» [8]. На представлении в Бяла-Черкве занавес сшили из красного кумача, иконописец нарисовал на нем лиру («лира получилась похожей на вилы, которыми ворошат сено»), собрали лучшую мебель в городе (большое зеркало, большой ковер, «старую продавленную кушетку, единственную в городе»), из церкви малую люстру, «которой предстояло освещать всю эту всемирную выставку», из тюрьмы – кандалы, был задействован даже «длинный кинжал, припрятанный до будущего восстания» [4]. Само перечисление даже части бутафории создает комическое впечатление.

У Ф. М. Достоевского во время представления также возникают комические ситуации – арестант, игравший благодетельную помещицу, в платье, чепчике, с набеленным и нарумяненным лицом, с зонтиком и веером, был встречен залом хохота, «да и сама барыня не выдержала и несколько раз принималась хохотать» [8]. «К концу пьесы общее веселое настроение дошло до высшей степени», – замечает писатель [8]. Как отмечалось выше, женскую роль в легенде о Геновене в романе И. Вазова тоже играл мужчина, что подчас вызывало всеобщий смех. Интересно, что спектакль в итоге разжалобил зрителей, «на глазах у многих женщин выступили слезы», «прослезился даже кто-то из мужчин», зрители «заплакали, и некоторые – в голос», «прослезился и бей», публика «начала рыдать неудержимо». Конечно, данная сцена не лишена авторской иронии – «как и смех, слезы заразительны» [4].

При этом в обоих произведениях финал глав «Представление» заставляет задуматься. Спектакль в Бяла-Черкве неожиданно заканчивается революционной песней («Пылай, пылай, душа, любовью огневою! На турок дружно мы пойдем стеною»), которой стала подпевать вся труппа, а затем и зрители. «Патриотический энтузиазм внезапно овладел всеми. Мужественная мелодия этой песни возникла как невидимая волна, выросла, залила весь зал, разлилась по двору и ушла в ночь... Звения в воздухе, песня зажигала сердца и опьяняла головы. Ее торжественные звуки затронули в людях какие-то новые струны. Пели все, кто знал слова, – и мужчины и женщины; сцена слилась со зрительным залом, души объединились в общем порыве, и песня поднималась к небу, как молитва...» [4].

Рассказчик «Записок» писал об арестантах после спектакля: «Все как-то непривычно довольны, даже как будто счастливы, и засыпают не по-всегдашнему, а почти с спокойным духом, – а с чего бы, кажется? А между тем это не мечта моего воображения. Это правда, истина. Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по-острожному – и человек нравственно меняется, хотя бы то было на несколько только минут...» [8]. Т. П. Баталова пишет: «Повествователь подчеркивает духовно-творческое *соучастие* каторжан. «Представление» воспринималось ими как их общий праздник: и актеры, и организаторы «представления» – сами арестанты. Зрители смотрели спектакль, вплотную прижавшись друг к другу, забыв о ссорах, неприязни, сплетнях и воровстве. Стоявшие на приставленных к стене поленьях опирались на плечи стоявших впереди товарищей. Это духовно-творческое соучастие показывает силу искусства, способность его внести в

общество христианские отношения» [3]. «Христианство Ф. М. Достоевского чрезвычайно активно: он превратил веру в напряженное искание Бога, а способом этого искания стало его великое романное творчество» [11].

Так, Ф. М. Достоевский меняет представление о людях, предрасположенных к преступлению, их самих о себе, меняются краски в описании каторжан. Как отмечал В. А. Викторovich, «на экваторе книги происходит нечто и с самими каторжниками: их театр что-то сделал с ними, поэтому, когда они расходятся после представления, споров и обычных свар не слышно, они вдруг кончаются, на какое-то время, конечно. Это открытие дальше ведет автора к более глубокому пониманию субстанции „русский народ“» [5]. «Люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей», – писал Достоевский брату в письме от 22 февраля 1854 г. [8].

Так и автор романа «Под игом» финалом спектакля и главы в целом, казалось бы, незаметно меняет наше представление о жителях городка, показывая их стремление к борьбе за свободу и независимость, гордость и патриотический энтузиазм.

Выводы

Таким образом, в обоих исследуемых произведениях на примере сравнительного анализа мотива театрального действия показаны раскрытие персонажей, демонстрация их новых качеств, в какой-то мере неожиданные открытия внутреннего мира и состояния героев, духовного облика и мирозерцания народа. Что соотносится, на наш взгляд, с мировоззрением писателей. Петр Диников отмечал, что «Иван Вазов – писатель большого национального масштаба; все его творчество связано с судьбами его народа. Никто в болгарской литературе не воплотил более могуче, более полно и эмоционально национальную судьбу болгарского народа, чем это сделал Вазов. И в этом самая большая его сила» [4]. В. А. Викторovich писал о Ф. М. Достоевском, что каторга определила «духовный облик писателя» [5]. «Для него народ, очевидно, не миф и даже не архетип. Это плоть и кровь его творчества. Народным является все мирозерцание Достоевского, а не только отдельные мотивы и образы» [5].

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220656).

Литература

1. Абрамовская И. С., Егорова К. М. Особенности трактовки «мертвого дома» в поэме Н. А. Некрасова и повести Ф. М. Достоевского // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016. Т. 3. С. 80–85.
2. Акелькина Е. А. Данте и Достоевский (рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из Мертвого дома») // *Вестник Омского университета*. 2012. №2. С. 394–399.
3. Баталова Т. П. Проблема повествования в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 2021. №19(1). С. 221–238.
4. Вазов И. *Под игом*. М.: Художественная литература, 1970. 422 с.
5. Викторovich В. А. Достоевский. Вопрос о народе // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2019. №4. С. 50–67.
6. Владимирцев В. П. Записки из Мертвого дома // *Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник*. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 70–74.
7. Гузаевская С. Н., Родин К. А. Писатель и свидетель (рецепция «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в литературе о каторге и ГУЛАГе) // *Идеи и идеалы*. 2020. Т. 12. №1. Ч. 2. С. 216–231.
8. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений. В 30 т.* Л.: Наука, 1972. Т. 4. 326 с.

9. Зябрева Г. А., Блинова А. В. Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» и «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: параллели и пересечения // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. **2015**. Т. 1(67). №1. С. 52–57.
10. Курган М. Г. Дантовские образы ада в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // *Имагология и компаративистика*. **2021**. С. 31–52.
11. Леготина Е. В., Леготина А. Э. Лингвокультурологический анализ произведений Аввакума и Ф. М. Достоевского (мотивы и стилистика) // *Лингвокультурологическая и лингвометодическая наука в Республике Башкортостан: история и современность: Сб. научно-методических статей IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора педагогических наук, профессора Лены Галеевны Саяховой*. Уфа: РИЦ БашГУ, **2021**. С. 59–62.
12. Скрипник А. В. Гоголевский дискурс в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале «Записок сумасшедшего» Гоголя и «Записок из Мертвого дома» Достоевского) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. **2012**. №1(17). С. 109–121.

Поступила в редакцию 10.12.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.8

Motive of the theater action in I. Vazov's novel "Under the Yoke" and in "The House of the Dead" by F. M. Dostoevsky: comparative analysis

© E. V. Legotina

*Ufa University of Science and Technologies
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: legotina01@mail.ru

The article contains a comparative analysis of the motive of theatrical action in I. Vazov's novel "Under the Yoke" and in "The House of the Dead" by F. M. Dostoevsky. The publication points to the previously undertaken comparison of "The House of the Dead" by F. M. Dostoevsky with the works of Russian and foreign writers (Dante, Gogol, Nekrasov, Doroshevich, Solzhenitsyn, Shalamov). Comparative analysis of "The House..." by F. M. Dostoevsky with I. Vazov's novel in the context of the motive of theatrical action is innovative, which is making it possible to reveal the peculiarities of the poetics of both writers' works. The similarity of the motive of theatrical action in their works is reflected in the titles of the chapters, the descriptions of the preparation for the performance, the demonstrations of the audience behavior – their emotionality, sensitivity and immediacy. The unexpected ending of the performance draws attention, making one think about the strength of mind, patriotism and love for freedom of the people in the work of the Bulgarian writer; and the end of the chapter of "The House of the Dead" by F. M. Dostoevsky makes it possible to reflect on the origins of spirituality which were revealed in the process of perception of theatrical play, which indicates the closeness of the worldview of writers to the worldview of the people. The writers were able to trace the spiritual changes in people that occurred under the influence of art.

Keywords: Dostoevsky, The house of the dead, Ivan Vazov, Under the yoke, theatrical action, performance, people.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220656).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Legotina E. V. Motive of the theater action in I. Vazov's novel "Under the Yoke" and in "The House of the Dead" by F. M. Dostoevsky: comparative analysis // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 6. Pp. 469–477.

References

1. Abramovskaya I. S., Egorova K. M. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016. Vol. 3. Pp. 80–85.
2. Akel'kina E. A. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2012. No. 2. Pp. 394–399.
3. Batalova T. P. *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2021. No. 19(1). Pp. 221–238.
4. Vazov I. *Pod igom [Under the yoke]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970.
5. Viktorovich V. A. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal*. 2019. No. 4. Pp. 50–67.
6. Vladimirtsev V. P. *Dostoevskii: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: clovar'-spravochnik*. Saint Petersburg: Pushkin-skii dom, 2008. Pp. 70–74.

7. Guzaevskaya S. N., Rodin K. A. *Idei i idealy*. 2020. Vol. 12. No. 1. Pt. 2. Pp. 216–231.
8. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii. V 30 t. [Complete works. In 30 volumes]* Leningrad: Nauka, 1972. Vol. 4.
9. Zyabreva G. A., Blinova A. V. Kniga A. P. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2015. Vol. 1(67). No. 1. Pp. 52–57.
10. Kurgan M. G. *Imagologiya i komparativistika*. 2021. Pp. 31–52.
11. Legotina E. V., Legotina A. E. *Lingvokul'turologicheskaya i lingvometodicheskaya nauka v Respublike Bashkortostan: istoriya i sovremennost'*: Sb. nauchno-metodicheskikh statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu doktora pedagogicheskikh nauk, professora Leny Galeevny Sayakhovoi. Ufa: RITs BashGU, 2021. Pp. 59–62.
12. Skripnik A. V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2012. No. 1(17). Pp. 109–121.

Received 10.12.2022.